

Королевич Станислава Антоновна
Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, Беларусь
e-mail: stak54@mail.ru
УДК 811.161.3'373.23

ОСОБЕННОСТИ МУЖСКИХ ИМЕНОВАНИЙ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ВУЛЬКА ЛАВСКАЯ ПИНСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: андронимы, состав, этимология, социокультурная информативность, идентификация именователя, прагматика имени

В статье приводится описание андронимов, входящих в именовослов отдельной деревни; анализируется их информативность для конфессиональной и социальной дифференциации жителей; определяется частотность разных имен, способы обеспечения идентифицирующей функции повторяющихся имен. Устанавливаются некоторые прагматические характеристики мужских имен в региональном ономастике.

Говор деревни Вулька Лавская Пинского района, моего родного селения, интересен во многих отношениях, потому что на разных составляющих говора своеобразно сказывалась история деревни, её географическое положение, общественные изменения, контакты с говорами окрестных селений и, наконец, собственное речетворчество жителей самой Вульки Лавской – воленцев. Деревню как вольное поселение (польское *Wólka* от *воля*) на юге современной Брестской области, на границе Пинского и Ивацевичского районов, основал дворянин Марцинкевич около трёхсот лет назад; с XIX века здесь появились крестьянские усадьбы. В разное время селение было частью Речи Посполитой, Российского государства, Польши, СССР и Беларуси, Поэтому в говоре воленцев (таким было исконное самоназвание жителей деревни) причудливо переплелось исконное и привнесённое, старое и новое, традиционное и самобытное. В полной мере это относится и к местному антропонимикону, притом как его женской [1], так и мужской подсистеме.

Состав жителей деревни достигал максимума в 60–70-е гг. XX в., когда число воленцев превышало 330 человек (в наши дни, к сожалению, их осталось около 40). На протяжении послевоенного периода носителями мужских имён (андронимов) выступали 218 жителей деревни. За 70 лет в именовослове воленцев использовалось 58 мужских имён разной этимологии (для одного из мужчин память старожиллов сохранила только прозвище *Дороженьки*). Центральное место в репертуаре андронимов занимали канонические имена, вошедшие в церковные календари и традиционно функционирующие на восточнославянских территориях. Это имена древнееврейского (*Иван, Иосиф, Адам* и др.), греческого (*Александр, Алексей, Антон, Василий, Георгий, Григорий, Николай, Пётр* и др.) и латинского происхождения (*Константин, Валентин, Сергей, Виктор, Павел* и др.). Зафиксировано также несколько андронимов скандинавского происхождения (*Игорь, Олег*), вошедших в православный именовослов. На протяжении всего описываемого периода функционировали и двухосновные славянские имена (*Владимир, Владислав,*

Вячеслав, Ростислав, Ярослав и др.), имеющие длительную историю бытования у православных и католиков на разных славянских территориях.

Конфессиональная дифференциация мужских именований в говоре Вульки Лавской была не вполне чёткой. Среди жителей преобладали исповедующие православие: в послевоенное время католических семей в деревне оставалось только четыре, и ещё две были смешанными. Канонические имена, вошедшие в церковные календари, в частности *Иван, Иосиф, Александр, Алексей, Антон, Василий, Леонид*, отмечены в именнике и православных воленцев, и католиков. Исключительно за католиками в ономастиконе нашей деревни были закреплены только имена *Бронислав, Болеслав, Казимир, Станислав*. Один из православных жителей деревни, переселенец из соседнего села, носил имя *Стась*, но оно было производным от *Стахий*. О принадлежности к католикам более выразительно свидетельствовала типичная для польского языка огласовка имён, общих для обеих конфессий: *Томаш, Юлий, Тадеуш, Вацлав* (в православном именослове им соответствуют аналоги *Фома, Иулий, Фаддей, Вячеслав*). К 80-м гг. XX в. закрепленность имён за конфессией исчезает полностью вследствие социокультурных процессов советской эпохи, в частности повсеместной пропаганды атеизма.

Аналогично эволюционировала социальная дифференциация мужских имён, которая изначально имела достаточно выраженный характер в кругу жителей старшего возраста. Родившиеся в самом начале XX в. потомки рода Марцинкевичей носили имена, происхождение, акцентуация и огласовка которых свидетельствует о вероятной принадлежности основателей Вульки Лавской к польским дворянам. Внутри рода традиционно использовались «семейные» имена с типичным для польского языка ударением: *Óлесь (Александр), Кóстусь (Константин), Пётрусь (Пётр), Базё / Базик (Василий), Павцё (Павел)*. Марцинкевичи нашей деревни были носителями и собственно католических андронимов (*Казё (Казимир), Болё (Болеслав), Домцё (Доминик)*), а также редких, ныне устаревших (*Фáбо (Фабриан), Фанё (Феофан)*).

Старейшие переселенцы-крестьяне *Бондарчуки, Кибаки, Христюки, Середичи, Шостаковичи* именовались иначе (*Иван, Александр, Миколай, Васыль, Пэтрó, Пэтjóра*). От имён рода основателей Вульки отличались и устаревшие, редкие имена: *Каленик, Яков, Оныс (Онисим), Юзё (Иосиф), Радивон (Родион)*.

Социальная дифференциация андронимов еще ощущалась и в следующем поколении жителей Вульки Лавской, появившихся на свет в 20–30-е гг. прошлого столетия. Продолжатели рода Марцинкевичей и старожилы дворянского происхождения (*Линкевичи, Ивинские и Лесневские*) либо именуется на польский манер: *Янчик (Иван), Броник (Бронислав), Жоржык (Георгий), Владэк (Владимир и Владислав), Стахо (Станислав), Вацё (Вацлав), Никóдэм (Никодим), Стéфан (Степан)*; либо имеют «городские» имена: *Арсень (Арсений), Виталё (Виталий), Толё (Анатолий)*; либо их имена выступают в необычных гипокористических формах: *Тосё (Антон), Вето (Вячеслав)*. Крестьяне с окрестных хуторов и деревень являются носителями имён в

типичных для западного Полесья формах (*Алёша, Грыша, Сцёпа, Серожа, Володя, Ясё (Иван), Василько*), хотя тоже есть формы на –o/-ё: *Жэнё, Васё* и др.

Социальная дифференциация имён нивелируется только для поколений мужчин, рождённых в 50-е и последующие годы. Потомки и старожилов, и переселенцев начинают носить сходные имена в аналогичных формах: *Косця, Слава, Серожа, Вадим, Витя, Жора, Миша, Гена, Игорь*. Исключением является лишь имя *Александр*, бытовавшее в роду Марцинкевичей и Линкевичей только в форме *Алик*, тогда как в других семьях была распространена форма *Саша*.

На протяжении 70 лет в мужском именовании Вульки Лавской была неодинаковой и продуктивность разных андронимов. В список имён активного употребления вошли имена *Иван, Сергей, Николай, Александр, Владимир, Василий*, отмеченные для представителей разных возрастных групп. Самым популярным является имя *Иван* (21 носитель). В разных культурно-исторических условиях это имя могло обретать разные формы (*Иван, Ваня, Ванька, Янэк, Янчык, Ясё / Ясько*). Сильные позиции занимали также антропонимы *Сергей* (15 носителей); *Николай* и *Александр* (по 14 носителей); *Владимир* (11 носителей). Несколько реже использовались имена *Василий* (9) и *Григорий* (8); по 7 жителей деревни в разное время именовались *Евгений, Михаил*; 6 – *Георгий*. Для имён *Павел, Алексей, Леонид, Степан, Константин, Геннадий, Валерий, Виктор* отмечено по 5 носителей; имя *Антон* имели в разное время 4 жителя деревни; трижды в мужском именовании отмечены имена *Адам, Вадим, Юрий, Вячеслав, Пётр, Анатолий, Юрий, Иосиф*. По два имяносителя были обладателями андронимов *Аркадий, Арсений, Валентин, Олег, Вацлав, Станислав, Казимир*.

Двадцать четыре андронима относились к непродуктивным именам, так как за все послевоенное время на их долю в говоре воленцев приходилось только по одному носителю. Причины непродуктивности этих имён могли иметь как объективный, так и субъективный характер. Объективным фактором была архаизация имён в восточнославянском именнике в целом. Например, статистические исследования В. А. Никонова начала 1960-х годов, охватившие девять областей центральной России, не зафиксировали имя *Онисим* ни разу [2, с. 73]. В местном говоре Вульки Лавской устаревшими стали андронимы *Родион, Никифор, Никодим, Феофан, Фабиан, Семён*: после 20-х гг. XX в. мальчиков в деревне так не называли. Объективна и малочисленность католических имён, так как перед присоединением Западной Беларуси к СССР поляки массово переезжали в Польшу или же позже были высланы в Сибирь.

Однако причины непродуктивности имён в ономастиконе говора деревни могли быть и субъективными. В их числе нежелание воленцев называть мальчиков именами, носителями которых были люди, негативно оцениваемые сельчанами. Отдельные имена не получили распространения в силу некоторой экзотичности для деревни (*Эдуард, Виталий, Ростислав*). Некоторые популярные имена XX в. (*Роман, Андрей, Дмитрий*), в местном ономастиконе оказавшиеся единичными, «не прижились» по непонятным причинам.

Вследствие повторяемости большая часть мужских имён в воленском говоре характеризовалась идентификационной неполноценностью: андронимы оказывались неспособными обеспечивать функцию выделения именуемого лица. Фамилия как идентификатор носителя андронима, повторяющегося в воленском именнике, выступала только при условии её единичности: *Гена Тарасенков, Гена Ивинский, Гена Прусский; Саша Янцевич, Саша Королевич* и т. п. Использование трёхкомпонентных моделей именованности (фамилия, имя, отчество), в бытовом общении вообще не практиковалось. Чаще в местном антропонимиконе использовались иные способы уточнения личных именованностей. Это, во-первых, прозвища-апеллятивы, которые являются однозначными в силу прозрачности внутренней формы. Они могли указывать: 1) на место прежнего проживания именованности (*Иван Гутар* – из деревни Гута; *Сцяпа Чуховэц* – из деревни Чухово) или на расположение усадьбы в нашей деревне (*Ваня Абиссинец* переселился с бывшего хутора Абиссиния в окрестностях деревни; *Иван Замусский* жил за мостом); 2) на особенности биографии лица (*Юзё Кормилец* стал мужем вдовы с четырьмя детьми; *Иван Страж* происходил из семьи, мужчины из которой «при Польше» служили охранниками лесных угодий); 3) на специфические черты внешности (*Иван Дятел* имел длинный нос), поведения (*Жора Пухкало* из-за полноты пыхтел при ходьбе), характера (*Коля Шмата* был медлителен и нерешителен); 4) на речевые привычки (*Толё Окало* начинал каждую фразу с «О!»; *Грыша Белогривы*, будучи нетрезвым, постоянно пел песню «Ой, мороз, мороз...» – про «коня белогривого»).

Идентифицирующая функция успешно обеспечивалась и прозвищами, образованными от имён собственных. Среди них 1) поссессивы от имен и прозвищ деда (*Серожка Павцёв* – внук Павла Марцинкевича), или отца (*Серожка Дятлов* – сын *Ивана Дятла*), или матери (*Лёнька Шурчын* – сын беженки, по имени Шурка, из Смоленска); 2) прозвища от исторических прецедентных имён (*Александр Троцкий*, по фамилии *Шостакович*; *Юзё Чомба*, по фамилии *Середич*; *Иван Кастро*, по фамилии *Козубовский*; *Тонё Швейко* по фамилии *Хоровец*; *Коля Гагарин*, по фамилии *Середич*); 3) прозвища от местных прецедентных имён (*Коля Луд*, по фамилии *Середич*, получил прозвище за дотошность характера от фамилии участкового милиционера).

Как способ идентификации могли использоваться также гипокористики. Например, повторяющееся имя *Антон* для каждого из четырёх носителей имело особые формы: *Антон Хоровец* – *Тонё*; *Антон Лесневский* – *Тосё / Тосик*; *Антон Петрукович* – *Антосё*; *Антон Королевич* – *Антон / Антолё / Антэк*. Полные имена были закреплены только за старейшими, уважаемыми жителями, главами больших семейств: *Александр Линкевич, Николай Шоломицкий, Роман Кибак*. Однако чаще взрослые мужчины старшего поколения именовались формами на –ё / -о: *Фабо, Стахо, Толё, Виталё, Казё, Тосё, Вицё (Виктор)* и т.п.

Вместе с тем бытовали имена с деминутивными суффиксами (–ик/–ык; –к(а)), которые одновременно с функцией идентификации лица могли

характеризовать его в том или ином отношении. Независимо от возраста носителей они, во-первых, называли «детей» воленцев (*Толик, Вовик, Алик; Сашка, Славка*); во-вторых, низкорослых мужчин (*Жоржык Базиков, Янчык, Серожка Кибачок*). В апеллятивной функции такие имена функционировали как уменьшительно-ласкательные формы (*Базик, Жэник, Сашка, Витька*). Имена с суффиксом –к(а) использовались также независимо от возраста носителя как эмотивное средство – для идентификации и одновременно снисходительной характеристики беженцев-мужчин разного возраста из России, попавших в деревню во время войны (*Мишка и Ванька Тарасенковы, Лёнька и Ванька Шурчыны*). Аналогичную коннотацию имели употреблявшиеся по отношению к местным крестьянам формы на –к(ó) (*Василькó, Сцёнкó, Яськó*), указывающие как на невысокий рост носителей этих имён, так и на невысокий их авторитет.

Как видим, именованья мужчин деревни Вулька Лавская аккумулируют содержательную информацию, выявление которой не только показательно для характеристики самобытного антропонимикона пограничного говора, но и информативно для изучения истории деревни, ее жителей и их взаимоотношений.

Литература

1. *Королевич, С. А.* Особенности женских именованний в говоре деревни Вулька Лавская Пинского района / С. А. Королевич. // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. Машерова, 2016. С. 171–174.

2. *Никонов, В. А.* Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.

S.A. Korolevich

A.S. Pushkin Brest State University

e-mail: stak54@mail.ru

THE PECULIARITIES OF WOMEN NAMING CONVENTIONS IN THE SUBDIALECT OF THE VULKA LAVSKAYA VILLAGE

Key words: andronyms, quantitative composition, etymology, sociocultural informativeness, identification of the name-bearer, name pragmatics.

The article describes andronyms of the name-list of the village; analyzes their informativeness as for confessional and social differentiation of the population; it reports the frequency of different names, the ways of ensuring the identification function of repeating names; establishes some pragmatic characteristics of the male names in the regional onomasticon.